

Рецензии

Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014 г. 688 с.

«Великая геополитическая революция» — четвертая книга видного политического деятеля советских времен и крупного ученого К.Н. Брутенца. Автор относится к той плеяде честных и преданных своим идеалам коммунистов, которые, находясь у руля управления страной, не были бездумными почитателями признанных авторитетов и слепыми исполнителями спускаемых сверху директив, а стремились дать трезвую оценку происходящему и предотвратить сползание к кризису. Такую же принципиальную позицию занимает К.Н. Брутенц и сейчас, не избегая в своих публикациях самых острых вопросов сегодняшнего дня. Накопленный автором богатый опыт политического управления, его широкий круг знакомств с видными интеллектуалами и известными политическими деятелями, блестящий журналистский стиль позволили ему проникнуть вглубь современных проблем и изложить свое понимание будущего.

В первых двух главах рецензируемой монографии К. Брутенц дает свое видение новой глобальной архитектуры мира и ее предыстории. Двадцатое столетие, которое иногда называют «веком революций», ознаменовалось созданием Советской России, крушением колониальных режимов, появлением новой социально-экономической системы, альтернативной капиталистической. У всех стран, отставших в своем экономическом развитии и вкусивших «прелестей» колониального ига, после Октябрьской революции появился новый авторитет и защитник их интересов. Зато мир богатых и сильных встретил советскую Россию «в штыхы» в прямом и переносном смысле, обрушив на нее сначала иностранную интервенцию, а потом и фашистскую агрессию. Одержав победу в разрушительной мировой войне ценой

жизни миллионов солдат и мирных жителей, СССР оказался неспособным справиться с амбициями собственной элиты и печальными последствиями догматизма и начетничества. Опираясь на глобализирующую силу рынка, соблазны общества потребления и мощный пропагандистский аппарат, Запад победил в «холодной войне» и в гонках научно-технической революции. Для укрепления своего престижа Соединенным Штатам не пришлось надрываться над послевоенным восстановлением экономики и внедрением идеалов, вызывающих к высоким моральным качествам человека. Сила денег и мираж вседозволенности служили мобилизации сторонников либерализма. Социализм надорвался под бременем военных затрат, помощи бывшим колониальным странам и своим собственным национальным окраинам. Народ устал от бесконечных лишений и польстился на сомнительные ценности эры глобализации.

Вместе с развалом советской системы и разрастанием международных экономических и культурных обменов возник новый глобальный порядок, который «взяли в свои руки» Соединенные Штаты Америки. Оказавшись в силу своего географического положения в стороне от разрушений мировых войн и получив от них немалую выгоду, американцы сумели разрекламировать свою мечту и поддержать изголодавшуюся Европу «финансовыми пряниками», сопровождая их раздачу приманками либерализма и демократии. В рамках создававшегося моноцентричного мирового порядка некоторые государства начали утрачивать роль субъектов мировой политики, теряли возможность принимать самостоятельные решения, регулировать товарные и финансовые потоки внутри страны и воздействовать на экономику политическими средствами. Упорно не желав-

ший покоряться «хозяевам Вселенной» СССР представлял угрозу контролю Запада над послевоенным миром.

Но после распада СССР уже ничто не мешало процессу глобализации, направленному на замыкание границ новой «империи», и равнению всех стран на США как единственно успешную модель социально-экономического устройства. После того, как СССР под внутренним и внешним нажимом отказался от идеи коммунизма, установился новый мировой порядок, в котором США захватили главенствующую роль. Как пишет К. Брутенц, в XXI в. Соединенные Штаты вступили империей, все страны равнялись на США, «развал СССР... привел к нестесненному торжеству неолиберализма» (С. 19, 46). И еще: «Империя стала полем распространения американских идей, американской модели экономического развития (всемирная применимость этой модели, более того, ее обязательность, была оформлена т.н. Вашингтонским консенсусом)» (С. 257). Фактически это был масштабный проект «американизации» и «европеизации» под флагом приобщения к рыночному режиму и демократическим порядкам по западному образцу. Свою миссионерскую роль США выполняли, опираясь как на «мягкую силу» в виде приукрашивания своего образа жизни и западной демократии, так и на «грубую силу» в ходе насильственной смены неугодных режимов. Мир вступил в эпоху всеобщей унификации — внушаемого превосходства одной нации, одного государства, одного общественного устройства и одного мировоззрения (т.е. бескрайнего либерализма) (С. 39).

Но торжество продолжалось недолго. Как и следовало ожидать, управление огромным и сложным миром из одного центра с опорой на политические системы прошлого оказалось неэффективным. США не справились с массой мировых проблем, таких как массовая бедность, терроризм и наркотрафики, разрушение природной среды. Возникновение финансовых кризисов отрицательно сказалось на имидже американской либеральной модели, выступавшей как высшее достижение мировой экономической мысли. Мир вступил в эпоху «великой геополитической революции», под которой автор понимает кардинальный слом всей архитектуры международных отношений, крах

мировой гегемонии сверхдержавы, каковой является США, рост потенциала и мирового влияния развивающихся стран и становление нового полицентричного миропорядка.

Об утрате статуса «сверхдержавы» свидетельствуют типичные для США экономические и социальные проблемы. Автор ссылается на расчеты Роберта Пейса, согласно которым с 2000 г. США потеряли 30% своей относительной экономической мощи (С. 32) и перешли в категорию международных должников. На июль 2009 г. американский долг Китаю превысил 800 млрд долл. (С. 33). Согласно авторскому выводу, «капитализм стоит перед неизбежностью внесения радикальных изменений в нынешние модели хозяйствования, социально-политической организации и образа жизни» (С. 44). Показательны в этом плане разговоры о смене формы правления с насильственной на покровительственную, о необходимости переосмысления капитализма — перехода от дикого капитализма к капитализму нового типа («в маскировочном халате») (С. 44).

Несмотря на привлечение как жесткой, так и «мягкой силы» США оказались не в состоянии побороть национальное своеобразие рвущихся к свободе и независимости стран Востока и Юга. Применение военной силы и смена режимов не обеспечили надежности политических сателлитов. Вместо «управляемого мира» был создан «управляемый хаос», грозящий перерасти в неуправляемый. «Система международных отношений вступила в затяжной период ломки, отличительная особенность которого — глубокий макрокризис западной системы, включая ее капиталистическую основу» (С. 40).

Согласно выводу автора, «в развивающихся странах идет процесс консолидации национальной идентичности, рождается тенденция к автономной линии в вопросах безопасности и стратегии развития» (С. 25). Страны бывшей колониальной и полуколониальной периферии переживают процесс «вставания» и претендуют на новую, гораздо более весомую роль на международной арене. Они добиваются реформирования мировой политической, экономической и финансовой системы, тесня ее традиционных хозяев — страны «золотого миллиарда». Некоторые из развивающихся стран служат полигоном для поиска

новых моделей социально-экономического устройства (С. 674–675).

Нельзя игнорировать тот факт, что капиталистические отношения малопривлекательны для «встающих» стран, прежде всего, по опыту прошлого. В силу неавторитарности своего происхождения и варварской политики европейских колонизаторов капитализм в западных странах оказался половинчатым и криминальным, во многом разрушительным для сложившейся цивилизации. Современный экономический кризис еще более подорвал веру в либеральную модель и в саму возможность перейти на капиталистический путь развития, понимаемый как стихия рыночных отношений, «малое государство», формирование «экономического человека». В «послушных» странах либеральная модель уже оказалась либо неработоспособной, либо неспособной обеспечить необходимый приток капитала и создать надежные экономические институты, либо завершилась переходом к корпоративному капитализму зависимого типа. Стало очевидно, что за редким исключением новокапиталистические страны обречены на место в периферийной зоне развития, их трудовые и природные ресурсы предназначены для обслуживания политических систем Запада.

Если, по словам автора, «идеологические одежды Запада прохудились», то и идеи социализма в результате провала социалистического эксперимента «оказались во многом скомпрометированными» (С. 215). Это не означает дискредитации изначальных идеалов социализма: эффективная защита государства и обеспечение поддержки социалистического курса со стороны широких народных масс, достижение достаточно высоких темпов экономического роста, наращивание общего экономического потенциала при оптимальной занятости населения, повышение уровня жизни людей при рациональном уровне потребления, широкое распространение различных форм самоорганизации и постепенная ликвидация системы наемного труда. Однако распространение рыночных отношений и современное соотношение сил на мировой арене требуют более прагматичного подхода к хозяйственным проблемам и новых социальных ориентиров. «Магия социализма исчезает, дискредитированная сначала советским экспериментом, а теперь и па-

раличом социал-демократии!» (С. 60). Страны, сохранившие приверженность социалистическим идеалам, такие как Китай и Вьетнам, тоже отвернулись от догматического социализма и пошли собственным путем.

Успехи рыночных реформ в этих странах создают иллюзию конвергенции капитализма и социализма. Но эта концепция, использовавшаяся в бытность советского социализма для подрыва его авторитета, и сейчас не может быть принята безоговорочно. Если говорить о существенных отличиях этих двух общественных систем (интересы меньшинства либо интересы большинства), то такого рода «гибридность» выглядит нонсенсом. В настоящее время мы видим в мире более глубокую, чем когда-либо пропасть между незначительным меньшинством, контролирующим огромные богатства, и массами, живущими на грани нищеты. Если же апеллировать к двум типам хозяйственных механизмов (рынок и административное управление), то здесь поиски оптимума их сочетания весьма плодотворны. Поэтому вместо выбора между социализмом и капитализмом либо механического сочетания элементов разных социально-экономических и идеологических систем требуется составление принципиально нового цивилизационного проекта, противостоящего навязываемым развитыми странами порядку мирового рынка, и утопическим устремлениям к всеохватывающему и детализированному плану. Выход — в ориентации на создание смешанной традиционно-рыночной экономики, соответствующей современной технико-организационной стадии экономики и критериям гуманистического общества. Временный синтез либеральной и социалистической идеи возможен двояким образом: либо в рамках государственного капитализма, что может стать переходной моделью для широкого круга развивающихся стран, либо в рамках «рыночного социализма» с еще более сильным акцентом на социальную справедливость и макроэкономический контроль над рынком. Такого рода вариант «социального рыночного хозяйства» позволит связать модернизацию как ответ на глобальные трансформационные вызовы с соблюдением принципов социальной справедливости и солидарности.

Автор дает свой оригинальный ответ на вопрос о возможности такого «синтетиче-

ского» варианта развития. «Однако простое соединение позитивных сторон капиталистической и социалистической организации общества, думается, не решает проблем. Необходим сложный синтез, который поднимает общество на более высокую и прогрессивную ступень, создает новую социально-экономическую форму. Центральным моментом на этом пути, возможно, станет, условно говоря, «обуздание» рынка. Пора перейти от некритической апологии рыночной формы хозяйствования к пониманию и признанию того, что она во многом находится в противоречии с базовыми устоями человеческого общества, с принципами социальной справедливости, имеет социал-дарвинистскую тенденцию. И исходя из незаменимости рынка в экономическом смысле, *искать* (курсив авт.) пути и способы амортизировать существующие негативные тенденции, найти и применить своего рода противоядие» (С. 681).

Рисуемая автором сложная картина эволюции мирового развития отражает его стремление примирить противоречие «целого» и «частности». С одной стороны, он констатирует единство мира. «Итак, каким бы сложным, чреватым конфликтами ни был путь «вставания» развивающихся стран, он представляет собой часть превращения человечества в единое интегрированное целое, в единую глобальную систему. Важно, однако, чтобы тот процесс не вылился в глобальные потрясения» (С. 273).

С другой стороны, отвергая навязываемую миру унификацию, автор твердо придерживается убежденности в многовариантном развитии человечества. По его мнению, «ошибочно ориентироваться на единую, одинаково пригодную для всех модель». «То, что разные страны могут иметь свои уникальные модели и формы развития, — один из имеющих общемировое значение выводов, который следует из практики возникающих государств. Именно это выбивает из рук Запада важнейшее идеологическое оружие в его усилиях сохранить зависимое положение развивающегося мира» (С. 219).

Утверждаемый автором полицентризм не отрицает размежевания мира на Восток и Запад, хотя и признает будущее именно за восточным путем развития: «И может быть, именно Азии и Востоку, перенимая достижения Запада и соединяя их со своими, предстоит

внести незаменимую лепту в поиски некоего срединного идеала, в поиски желательного и необходимого органичного синтеза, доказывая на практике, что общество на Западе отнюдь не конечный пункт развития человеческой цивилизации» (С. 295).

Вторая часть монографии К.Н. Брутенца посвящена отдельным крупным странам, которые претендуют на роль «мировых центров» в полицентричной системе будущего. Три из рассматриваемых им государств (Китай, Индия и Россия) находятся в Азии целиком или значительной частью своей территории. По существующим прогнозам, уже к 2030 г. произойдет тектонический сдвиг мирового «центра тяжести» в сторону Азии, которая превзойдет Северную Америку и Европу по показателям глобальной мощи, оцениваемой по размерам ВВП, количеству и качеству населения, сумме военных расходов и продвинутой в сфере технологических инноваций. Азиатский потребительский рынок изменит все представления о соотношении потенциалов стран мира и значимости пресловутого «золотого миллиарда». Автор полностью солидарен со словами известного американского политолога Нэйла Фергюсона: «Европу можно считать прошлым, США являются настоящим, а Азия с доминирующим в ней Китаем станет будущим мировой экономики»¹.

Присоединяясь к массе исследователей, признающих «китайское чудо», автор монографии стремится дать этому «чуду» трезвую оценку и, главное, объяснить его появление. Он особо подчеркивает, что экономический взлет Китая происходит при лидирующей роли государства и широком подключении возможностей рынка. Быстрый экономический подъем Китая вопреки попыткам его притормозить стал мощным двигателем всей мировой экономики. Китай собственным примером доказал возможность ликвидации отсталости и приобщения огромных масс населения к материально обеспеченной и духовно полноценной жизни. По оценке журнала «Экономист», более 400 млн китайцев выведены из состояния бедности, что составляет около $\frac{3}{4}$ от сокращения бедности в мире за весь XX в. Сам автор считает, что Китай пока еще не стал настоящей сверхдержавой, но весьма близок к такому статусу. На наш взгляд, Китаю уже не подходит броское название «бедная супердержава», Китай — «супер-

держава, расстающаяся с бедностью». Используемое в работе название «эмбриональная сверхдержава» лучше было бы заменить термином «нарастающая сверхдержава».

Из авторских рассуждений следует, что Китай не только даст миру образец успешного экономического роста, но подрывает сами основы гегемонизма, не пытаясь навязывать кому-либо свою модель, а только поднимая ее авторитет путем демонстрации эффективности ее работы. Распространяя свое влияние на мир, Китай суживает сферу влияния либеральной доктрины и защищает право всех стран на сохранение их национальной идентичности. Китай на практике доказывает, что модернизация возможна без вестернизации. В Африке часто говорят, что Китай сделал больше, чем кто-либо, чтобы положить конец их бедности (С. 335). Китай может стать пионером не только в поисках новых форм общественного развития, но и в поисках альтернативного миропорядка. От того, удастся ли Китаю сохранить свой экономический динамизм, привлекательность его социально-экономической модели и значительное повышение жизненного уровня населения, зависит не только судьба его социалистического эксперимента, но и трансформация всей системы международных отношений — искоренение гегемонизма, «права сильного», развязывания войн и конфликтов. Идеал политики Пекина — создание гармоничного мира без силового давления и идеологического навязывания.

Другой геополитический исполин и субъект возвышения Азии — Индия, приближающаяся к Китаю по численности населения и по темпам экономического роста. Применяемая в Индии экономическая модель также вариант смешанной экономики с активной ролью и участием государства, но с отличной от Китая политической системой демократического типа. Движущей силой роста экономики Индии служит использование огромных интеллектуальных ресурсов страны и экспорт наукоемких технологий. Автор отмечает, с одной стороны, впечатляющий экономический подъем Индии, быстрое формирование среднего класса, возросший потенциал индийского капитала, начавшееся формирование общества потребления. С другой стороны, Индия не избавилась от ужасающей нищеты, массовой безработицы, углубляющегося имущественного неравенства. По

мнению автора, есть достаточные основания констатировать, что в Индии имеет место социально-поляризованный и социально-поляризующий рост (С. 425). Индийский капитализм характеризуется не только социальной поляризацией, но клановостью и коррупционностью. Значительная часть населения лишена работы или занята в «неорганизованном» секторе экономики, многие остаются безграмотными и не имеющими доступа к современной системе здравоохранения. Рыночная мораль противоречит гандистским ценностям индийской цивилизации. Современная внешняя политика Индии отличается двойственностью. Исходя из своего исторического опыта и особенностей ее цивилизации, Индия выступает противницей гегемонии западных стран и сторонницей многополярного мира. Однако укрепление связей с США и опасения китайской экспансии толкают ее в русло американской политики и делают благодатной мишенью для геополитических интриг, прежде всего американских.

С 90-х годов прошлого века значительно повысилась международная роль Центральной Азии, которая стала объектом экономических интересов многих стран, прежде всего из-за открытия в ней новых запасов энергетического сырья. Курс на всемерное расширение и укрепление влияния в регионе взяли экономические лидеры мира США и Китай. В 2005 г. в США было объявлено о планах создания «Большой Центральной Азии» с масштабным замыслом объединить в одно геополитическое и военно-стратегическое целое Центральную Азию, Афганистан, «большой» Ближний Восток и выдавить из этого региона Россию и Китай. Целью Вашингтона является беспрепятственный доступ к природным богатствам региона и установление контроля над маршрутами транспортировки нефти и газа в страны-потребители. Благодаря расширению военного присутствия и финансовым вливаниям Соединенным Штатам в последние 10–15 лет удалось нарастить свое влияние в Центральной Азии, особенно в таких приоритетных для них странах, как Казахстан и Узбекистан. Влиятельным актором в Центральной Азии стремится стать и Европейский союз, который превратился в основного торгового партнера центрально-азиатских государств.

В роли главного конкурента США и

ЕС в регионе Центральной Азии в настоящее время выступает Китай, который особенно озабочен проблемами своей национальной безопасности, борьбы с терроризмом и сепаратизмом и испытывает большие потребности в энергетических ресурсах. Пекин заинтересован в сооружении транспортно-коммуникационной системы, связывающей его западные регионы с Центральной Азией и дающей выход в Европу. Этот транспортный коридор сокращает сроки доставки грузов, снижает расходы на перевозку и усиливает интеграционные процессы в этом регионе. Китай вкладывает масштабные инвестиции в строительство железных и автомобильных дорог, трубопроводов, в открытие новых авиамаршрутов, в организацию службы транспортировки и доставки грузов.

Весьма интересная информация содержится в разделе монографии, посвященном Латинской Америке, тому «многострадальному континенту», которому, по словам автора, было суждено пройти через колониальное порабощение и грабеж, попрание человеческого достоинства. Начиная с провозглашенной в 1823 г. доктрины Монро с ее лозунгом «Америка для американцев», Латинская Америка стала придатком Соединенных Штатов и оказалась в искусственной изоляции от остального мира. Американское господство устанавливалось по тем же колониальным правилам, что и британское, но в условиях географической близости США к странам Латинской Америки, что облегчало территориальную и экономическую экспансию страны-гегемона. В 1980-е годы США и международные финансовые организации навязали странам Южной Америки либеральную стратегию «Вашингтонского консенсуса», которая не только не способствовала их экономическому росту, но вызвала рост безработицы, чудовищную коррупцию, ухудшение материального положения населения, резкое усиление социального расслоения.

На волне массового протеста против неолиберального курса, стремления возродить свои традиции и покончить с нищетой и угнетением во многих странах Латинской Америки произошел так называемый левый поворот — к власти пришли левые силы, от радикальных (приверженцев «социализма XXI в.» — в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Эквадоре и т.д.) до умеренных левоцентристов — в Бразилии, Ар-

гентине, Уругвае, Парагвае. Во всех ориентированных «влево» странах идут реформы — поиск новой социально-экономической модели, призванной сменить скомпрометированный неолиберальный вариант и устранить препятствия для экономического роста и национального возрождения (С. 510–511). Выступая за создание нового геополитического порядка, страны континента пытаются покончить с гегемонизмом США, установить взаимовыгодные связи с европейскими и азиатскими державами, покончить со своим ущемленным положением на мировой арене. В расширяющихся связях с Индией, Китаем, ЮАР латиноамериканские государства видят новый формат интеграции Юг—Юг, направленной на изменение существующей мировой финансово-экономической системы в интересах развивающихся стран.

Особо выделяется роль латиноамериканского гиганта — Бразилии, которая после долгих лет зависимости от США добилась политической самостоятельности, видимых успехов в проведении собственной внутренней и внешней политики, существенного наращивания своего экономического и культурного потенциала. Сейчас это — крупное и достаточно сильное государство, находящееся на пороге превращения в великую державу и ведущую силу в процессе национально-политического и цивилизационного самоутверждения Латинской Америки. Бразилия выступает последовательным поборником идеи многополярного мирового устройства, движущей силой региональной интеграции в Южной Америке, активным участником такой интегральной международной структуры, как БРИКС.

Из всего многообразия проблем, поставленных в разделе монографии «Россия: внешнеполитические приоритеты», выделим восточный вектор российской внешней политики. Его растущая роль объясняется как масштабной перестройкой международных отношений, так и спецификой исторического и экономического развития самой России. По мнению К.Н. Брутенца, приоритетность восточного направления российской внешней политики имеет серьезную цивилизационную основу. Находясь территориально в евроазиатских пределах, Россия соединяла в себе черты и заряд западной (европейской) и восточной (азиатской) цивилизаций. Если элита исторически всегда

была европоцентричной, то образ жизни и менталитет российского народа имели много черт «незападного» характера. Вместе с русскими в России проживали десятки восточных национальностей со своей культурой и религией. Это культурное смешение породило самобытную цивилизацию, открытую «ветрам» и с Запада, и с Востока. После распада СССР страна не просто территориально уменьшилась, но ее географический и геополитический эпицентр сместился в Азию, где к тому же оказалась львиная доля природных богатств страны. Теперь перспективы роста и возвышения России неразрывно связаны с Дальним Востоком и Сибирью. Именно там формируются контакты с главными азиатскими странами, выдвинувшимися на авансцену мировой политики, — Китаем, Японией и Индией, а также с быстро развивающимися государствами АСЕАН и Южной Кореи. Сотрудничество с этими странами, прежде всего с Китаем, может быть весьма плодотворным и полезным для развития азиатской части российской территории.

Создавшаяся ситуация «перенапряжения», экономический рост и политические амбиции развивающихся стран, появление такого экономического гиганта, как Китай — все это рисует перспективу перехода от однополярного к многополярному миру (в Америке более популярен термин «многопартнерский мир»). Вопрос упирается в степень осознания новых реалий самой американской элитой и готовность американских верхов сменить устоявшуюся парадигму и поступиться частью приобретенных привилегий. Власти США не желают «упускать

возжи из рук» и могут ввязаться даже в крупную военную авантюру. Конвульсии однополярного мира могут продолжиться еще не одно десятилетие.

Так что новый глобальный геополитический и геоэкономический баланс XXI в. во многом еще предстоит сформировать. «Запад до сих пор господствует в мировых политических, экономических и финансовых структурах и хочет сохранить их практически нетронутыми, кроме небольших косметических изменений» (С. 678). Мы еще десятки лет будем современниками состязания и противоборства между конкурирующими проектами жизнеустройства в рамках переходной фазы мирового порядка» (С. 269).

По широте охвата международных проблем и глубине их освещения данную работу вполне можно считать своего рода энциклопедией геополитических проблем современности. Поэтому нет никакого основания требовать от автора более полного изложения проблем геоэкономической революции, тем более что он многократно касается вопроса о выборе стратегии будущего экономического развития. Однако хотелось, чтобы эти сюжеты были сконцентрированы в отдельной главе или в отдельном параграфе. Можно согласиться с выбранной автором структурой работы, хотя ему не удалось избежать некоторых повторений. Представляется, например, что тематика ШОС более подходит для главы об азиатских проблемах.

Приветствуя выход этой крайне интересной и содержательной работы, хотелось бы пожелать автору дальнейших творческих успехов.

*Л.И. Кондрашова,
доктор экономических наук*

© 2016